

УДК 82-94

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ Б.М. ЭЙХЕНБАУМА

НЕУСТРОЕВ Дмитрий Викторович,
кандидат филологических наук,
главный специалист Центра архивных коммуникаций

ХАЧАТУРЯН Любовь Валерьевна,
кандидат культурологи,
главный специалист, руководитель Центра научно-исследовательских проектов и программ,
Российский государственный архив литературы и искусства

АННОТАЦИЯ. Публикуемый исследователями фрагмент из дневниковых записей Б.М. Эйхенбаума рассматривается с точки зрения текстологических особенностей и содержания эйхенбаумовских заметок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: оригинал, текстовые и графические особенности.

NEUSTROEV D.V.,
Cand. Philolog. Sci., Chief Specialist of the Center for Archival Communications

KNACHATURIAN L.V.,
Cand. Culturolog. Sci., Chief Specialist, Head of the Centre for Research Projects and Programs,
Russian State Archive of Literature and Art

TEXTUAL FEATURES OF B.M. EICHENBAUM'S DIARY ENTRIES

ABSTRACT. The published fragment of the diary entries of B.M. Eichenbaum is investigated from the point of their textual features and the content of Eichenbaum's notes.

KEY WORDS: original, text and graphic features.

В марте 2013 г. коллективом учёных Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-04-00288) была начата работа по подготовке к публикации полного корпуса дневниковых записей выдающегося отечественного литературоведа, видного представителя формальной школы Б.М. Эйхенбаума (1886–1959).

До настоящего времени дневники Б.М. Эйхенбаума не были изданы полностью, более того – фактически неизвестны учёным-гуманитариям. Первые попытки публикации отдельных фрагментов дневников Б.М. Эйхенбаума за 1917–1818 гг. и 1924 г. были предприняты только в 1993 г. [1]. Дневниковые записи 1923–1924 гг. издавались А.С. Крюковым в 1997 г. [2]. К сожалению, данные публикации имели фрагментарный характер. Оторванность от контекста других дневниковых записей значительно снижала их научную ценность. Новая публикация предполагает первое полное научное издание дневников учёного с сохранением всех текстовых и графических особенностей оригинала.

Дневниковые записи хранятся в составе личного фонда Б.М. Эйхенбаума, переданного в ЦГАЛИ (ныне – РГАЛИ) [3] в 1960 г. его дочерью О.Б. Эйхенбаум, и охватывают период с 1905 до 1959 гг. – со студенческих лет автора и до его кончины.

Дневники велись в тетрадях различного формата. В ранних записях (1905 г., 1910–1917 гг.) мы находим воспоминания автора о жизни в Воронеже,

первые впечатления о Петербурге, описания новых знакомств и контактов. Мысли автора перемежаются с цитатами из классической литературы (А.И. Куприн, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой, В. Гёте, Овидий, О. Уайльд, Эсхил и др.), записями стихотворений К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова, И.А. Бунина, В.А. Жуковского, Н.М. Минского, Ф.К. Сологуба, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, К.М. Фофанова и др.), а также собственными стихами и рассказами.

Кроме того, многочисленные дневниковые записи находятся в его записных книжках и рабочих тетрадях [4]. Они перемежаются с записями адресов и телефонов, записями для памяти, заметками и выписками из различных источников для работ о М.Ю. Лермонтове, Н.С. Лескове, М.Е. Салтыкове-Щедрине, И.С. Тургеневе, Л.Н. Толстом и др., планами и записями семинарских занятий со студентами и т.д.

Большая часть текста дневников выполнена мелким, аккуратным и убористым почерком, как правило, чёрными и фиолетовыми чернилами (за исключением многих записей за 1905 г., 1910–1917 гг., написанных карандашом и содержащих следы многослойной правки).

Для того чтобы не повредить подлинники в процессе набора текста, автографы были отсканированы в высоком качестве. Это позволило масштабировать и ретушировать изображения, «проявляя» неразборчивые или стертые временем фрагменты. В ходе подготовки текста были обнаружены неизданные автографы Б.М. Эйхенбаума: письма, статьи,

рецензии, заметки, планы и наброски неосуществлённых работ. Эти материалы планируется опубликовать в приложении к дневникам.

Дневники раскрывают перед читателем внутренний мир учёного, лабораторию его научной деятельности, показывают процесс формирования интересов литературоведа: становление формального метода, литературно-художественного вкуса и политических взглядов. В дневниках детально изложены споры и беседы с современниками об истории и теории текстологии и литературы в целом, а также собственные мысли автора, представленные как внутренний монолог. Помимо этого, в дневниках освещена текстологическая и историографическая работа автора над подготовкой к изданию сочинений М.Ю. Лермонтова, Н.С. Лескова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого. В этом плане большую ценность имеют наброски научных работ В.М. Эйхенбаума, особенно неосуществлённых или значительно расходящихся с опубликованным вариантом. В дневниках подробно освещается деятельность ОПОЯЗа, характеризуется литературный процесс тех лет. В.М. Эйхенбаум детально описывает свои встречи и беседы с А.А. Ахматовой, Л.Я. Гинзбург, В.М. Жирмунским, Ю.Н. Тыняновым, В.Б. Шкловским и другими. В записях особое внимание уделяется преподавательской деятельности, приводятся планы лекций и семинарских занятий.

Можно быть уверенным, что введение в научный оборот полного корпуса дневниковых записей В.М. Эйхенбаума поможет вдумчивому читателю ещё раз ощутить широту научных интересов учёного, масштаб его личности, а также послужит ценным материалом для историков русской литературы XX века.

Предлагаем вниманию читателей записи от 25 января – 7 февраля 1928 г. [5], посвященные работе над книгой о Толстом и событиям научной и семейной жизни. Готова публикацию, мы стремились максимально приблизить текст к оригиналу. Сохранено авторское подчеркивание, словообразования и пунктуация в тех случаях, где она имеет значение для понимания текста. Исправлены явные опiski (правописание окончаний и т.д.), пропуски предлогов, ненамеренные ошибки в синтаксисе. Нерасшифрованные слова обозначаются <1 сл. нрзб.>, где цифра обозначает количество слов. Авторское подчеркивание отображается курсивом.

* * *

25 января. Буду продолжать ... Сегодня Рая легла в лечебницу на исследование. Подозревается пиурия. Я один – и хандрю. Неуютно и странно. Впечатление чего-то случившегося. Неужели операция? Димочка утром, когда Рая уезжала, горько расплакался, хотя ему ничего не говорили – как-то сам почувствовал. Особенно было трогательно, когда она вышла уже в переднюю, а он рвётся к ней и нервным, умоляющим голосом просит – «на минуточку!» Чудесный мальчуган! Я ничего об нём не записывал – читает, знает даже весь латинский алфавит (на Ларуссе выучился, просматривая картинки), а страсть к рисункам, где изображены города и здания – необыкновенная. И запоминает поразительно.

У меня голова стала последнее время совсем глупая. Затуркан редакционной работой. К.И. раздражает и утомляет своей бесцеремонностью и странными чертами характера. Ему точно хочется, чтобы я, как и он, работал только над текстами. Он

точно торжес...
 • К научной биографии В.М. Эйхенбаума
 ционной работой до того, что я ничего другого не могу делать. Что это – ревность, зависть, фанатизм или что другое? Я бы хотел освободиться. При моей мягкости в обращении с людьми и неуверенности в себе бывают очень тяжёлые минуты, когда попадаешь в такое положение, как сейчас.

Напал на очень интересную немецкую книгу – Pinder «Das Problem der Generation in der Kunstgeschichte Europas». Много близкого нашим работам, и много нового, интересного.

26 января. Был в лечебнице – тяжёлое впечатление. Вроде тюрьмы. Рая в больничном халате – как Катюша Маслова. Маленькая палата, душная, тёмная. Выйти некуда, нет комнаты, где бы можно было посидеть, почитать. Завтра ей предстоят пытки – впрыскивание в вену (это болезненно) и потом введение зонда для освещения почки (это, говорят, мучительно). Когда это происходит где-то без меня – воображение рисует страшные картины, так что сердце замирает и кажется бог знает что. Исследование кончится в воскресенье (29) или в понедельник. Говорил по телефону с Горашем – он говорит, что заболевание, несомненно, почечное, но нужна ли будет операция – до конца исследования ещё нельзя сказать.

После больницы я совсем расстроен, работать не могу. Скорее бы пережить эти два дня! Больному тяжело, а близким, кажется, ещё тяжелее – по крайней мере, нравственно и именно потому, что здоров, а между тем никуда не годишься и ничего не можешь делать.

Что будет с моими работами – совсем не понимаю. Просмотрел вчера II том Гусева о Толстом. Жалко до последней степени – ни ума, ни просто способностей, ни такта. Какая-то старческая болтовня с претензиями. Подмывает написать о Толстом по-настоящему, но как соединить это и с настроением (особенно – если операция), и с количеством редакционной работы?

27 января. День работал в Госиздате – «Семейное счастье» и «Три смерти». Ясно, что в эти годы Толстой ищет тона (ср. потом в письме Страхова о «Войне и мире» – «у вас тона не полагается»). Запись в дневнике о том, что «один эпический род мне естественен», очень характерна. «Сем<ейное> сч<астье>» привело в ужас своим фальшивым тоном – не то тургеневский лиризм, не то «эпическое». Это – не рассказ, не дневник, не записки. С этой стороны – вещь фальшивая по форме. Толстой ясно пробует разные тоны – то как в «Записках маркёра», то как в «Севастополе», то совсем особому и близко к «Войне и миру» – в «Двух гусаках». Потом приходит тон проповедника – важный <1 сл. нрзб.> – как в «Воскресении» или в народных рассказах. Как хотелось бы всё это написать – ведь в книге «Молодой Толстой» одно сказано робко, другое чересчур смело, а третье вовсе не сказано. Но как быть? Я не умею быстро работать – особенно когда сразу так много! Разве что если с Раей будет благополучно – засяду по ночам и напишу к июню, чтобы выпустить осенью. 4 месяца 15 листов – это 4 листа в месяц, 1 лист в неделю. Иначе говоря, можно 3 дня работать над материалом, 3 дня писать.

А как интересно, что в 50-х годах приобретает значение (и среди писателей) старик С. Аксаков – когда ему 65 лет! Подумываю ещё написать потом книжку о В. Боткине – даже, может быть, полубеллетристическую. Как интересно поставить его

среди всех этих людей – Тургенев, Толстой, Дружнин и т.д.! Это очень важная фигура в этом поколении. Могла бы получиться прямо биография поколения.

Заехал в больницу передать книги – меня пустили. Сегодняшнее исследование показало, что пухляк абсолютно здоров. Теперь дело в рентгеновском снимке, к<оторый> завтра. Это – мучительная операция. Но я, побывав и повидав, несколько успокоился, а то вчера нервы совсем расхотелись. Хотя бы выпустили в воскресенье! Она была сегодня очень мила со мной, и лицо хорошее. В такие моменты я чувствую, с какой силой люблю её. В обычной домашней жизни бывает иногда тяжело, что она в стороне от моей духовной жизни, но это неверно – она знает меня насквозь, в целом.

Мельком видел сегодня книжку, которую завтра куплю – Герасименко «Батько Махно». Есть о Всеволоде.

В Госиздате встретился с Горбачёвым, к<оторый> заговорил со мной по поводу группы современной литературы ИЛЯЗВ'а – предлагал вместе. Я увернулся тем, что высказал свой взгляд, к<оторый> высказывал на заседании – для докладов, объединить все секции и собирать лит<ературный> отд<ел> в целом, а в группах вести работу по собиранию библиографии и материалов. Он согласился.

28 января. Видел Раю после рентгеновского снимка (пилография, кажется) – сильно измученную. Это продолжалось час, и очень болезненно. После вприсынули морфий и обложили грелками. Как мучительно всё это представлять себе! И есть в этом мучительстве воображения что-то возбуждающее, хмельящее – делаешься почти безумным, и надо делать усилия, чтобы сохранить равновесие. Всё время такое ощущение, как будто она в руках палачей, подвергается пыткам – и это сознание мучит, берedit с каким-то сладострастием мозг, физиологически сжимает сердце. Когда вижу её в больнице – тоже какое-то удивительное, фантастическое впечатление. Точно отняли её у меня, и она смотрит на меня издали, или я вижу её во сне. Завтра, кажется, смогу её взять. Нервы ужасно напряжены. Когда вхожу в больницу – точно в застенки, где и швейцар, и сёстры, и все торжествуют надо мной, что отняли, взяли и мучают, и я ничего не могу сделать, а они всё. Неужели будет операция?

Димочка поражает. Пристал сегодня к Фроловым, чтобы нашли ему книжку «с городами» («людей я не люблю» – т.е. книги с изображениями людей) – это его страсть. Влад<имир> Алекс<андрович> нашёл ему большую английскую книгу о Риме – он сейчас же узнал собор св. Петра (так и сказал), в одной церкви нашёл сходство с Собором Парижской богородицы (какая зрительная память!), в одном здании – с Александринским театром (и верно). Замечательно, что он не разбрасывается в своих интересах, а наоборот – определённо, настойчиво погружен в одно, и страшно серьёзно. В книжке Лукомского «Старый Петербург», к<отор>ую ему показывали вчера, он моментально узнал целый ряд зданий и улиц. Что это значит?

Сегодня с Халабаевым кончили «Семейное счастье» и начали «Поликушку». Здесь много интересного для книги, если напишу. Совершенно особый тон. Дома читал переписку Аксаковых с Тургеневым – для примечаний к «Рудину». Как много всякого интересного материала в этих письмах. Какую бы придумать систему, чтобы материал сохранялся

дома для всяк • К научной биографии Б.М. Эйхенбаума придумать. Я, несомненно, должен вступить в полосу широкого насыщения материалом.

30 января. Вчера привез Раю домой. Избавился от тоски – теперь дело в диагнозе, хорошего пока ещё нет. Вечером были Юра и Б. Лившиц. Болтали, а временами говорили и о серьёзных вещах. Лившиц был в Москве. Троцкий выслан в Верный. Были демонстрации, но мера была принята заранее. Днём у меня был аспирант Берлинер – сняли со штатов за «формализм». Был студент из ГИИИ, с которым я очень оживлённо почему-то разговаривал – о Салтыкове, о журналистах и пр. Развитие журналов в 60-х годах было связано с интервалом в поколениях. Поколение родившихся около 20-х годов продолжало свою работу (литературную) и после 60-х годов, не встретив смены. Беллетристы следующего поколения не дали нового и гибли (Помяловский и пр.), а Салтыков, Толстой, Писемский, Лесков, Достоевский – это всё <1 сл. нрзб.> стариками. Очень интересно отношение каждого из них к журналам.

Сегодня с Халабаевым читали «Поликушку» – замечательная вещь. После «Сем<ейного> счастья» это – полное освобождение и смелый ход. Дома собирал материал для примечаний к «Рудину». Новость – Москва разрешила нам восстановить название тургеневских томов «Сочинения» и цифры томов, и кажется – разрешит издать целиком.

Оксман говорит, что в № 1 «На лит<ературном> посту» злая статья о Витте, требующая удаления его из «ЛЕФа» и расправы.

1 февраля. Концерт. «Реквием» Верди. Дирижёр – Цемлинский (из Берлина). Маленький уродик, подёргивает плечом, похож на птицу, гусь во фраке, а дирижёр прекрасный – с подъёмом, уверенно, тонко.

В московской «Правде» от 31 янв<аря> статья Ольминского против Л. Толстого – он, мол, реакционер не только в своём учении, но и в художественных произведениях. «Идеализаторам» его как художника надо, мол, ещё доказать, что его произведения не вредны. Средневековье полное. В ГИИИ атмосфера сгущается – кажется, и оттуда надо будет уходить. История разыгралась, точно напилась допьяна. Каково-то будет её покаяние?

7 февраля. Вчера – характерная история на заседании в Инст<итуте> ист<ории> иск<усств>. Читал Б.М. Энгельгардт о Гончарове. Это было вызывающее возвращение к постижению «творческой личности», обставленное философской терминологией, но по существу не отличающееся, положим, от Овсяннико-Куликовского или Иванова-Разумника. В историко-литературных вечерах – полная беспомощность, равнодушие. Ясная картина научной реакции – усталости от «схем», заманивания на «постижение», на погружение в индивидуальность, на ход к «германской» науке. Разговор после доклада был сначала вялый – Казанский упрекнул в субъективности, Виноградов сказал кратко о поверхностном отношении к вопросам традиций, жанра, об общности и неопределённости «романтизма»; Жирмунский «задал вопрос» (почтительно), Оксман не то похвалил, не то нет. Я, как председатель, говорил последним и, в очень мягкой форме, сказал, что первая часть – «авантюрный роман» о Гончарове, а во второй – полное равнодушие к сложным и острым ист<орико>-лит<ературным> проблемам, которое показывает, что пафос работы – не в ист<орико>-лит<ературных> вопросах и что Энгельгардт – не историк литературы. Энгельгардт

рассердился – и вышла перепалка. Он заявил, что это я – не историк литературы, а он – именно чистейший историк литературы, п^{отому} ч^{то} изучение «истории творчества» или «творческой истории» (творческой личности) и есть предмет истории. Я вставлял реплики, но потом бросил и заявил: «покончим на этом». Были демонстративные шумные аплодисменты Энгельгардту – студентства, к кот^{орому} присоединились Гуковский и Жирмунский. – Так это противно, так мелко, что задумался – не уйти ли из института. Становится совсем чужим. Реакция с двух сторон – чиновники со своим «марксизмом» и эпигоны-неудачники с германской наукой.

На днях мы с Юрием получили повестку из Научн^{ого} общ^{ества} маркс^{истов}, кот^{орую}

• К научной биографии Б.М. Эйхенбаума прилагаю. Любопытно, что «приглашения» мы не получали. Конечно – не пойдем.

Сегодня было 2-ое заседание группы по лит^{ературному} быту. Пока народ собрался слабый и не близкий по духу, т^{ак} ч^{то} разговаривать не легко и не всегда приятно: Ямпольский, Рейсер, Вольпе... Что-то в них есть мелкое, неверное, что-то «литераторское», сплетническое. Время так воспитывает эту новую молодёжь. Не уйти ли от неё? Утомительно и ненужно. В этом отношении мы своё дело сделали.

Массу времени трачу на примечания к Тургеневу. В Госиздате пока каждый день. Невесело идет жизнь – дни проходят без изюминки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Эйхенбаум Б.М. Дневник 1917–1918 гг. / Б.М. Эйхенбаум; публ. и подгот. текста О.Б. Эйхенбаум; примеч. В.В. Нехотина // De visu. – М., 1993. – № 1. – С. 11–27.
2. Эйхенбаум Б.М. Страницы дневника. Материалы к биографии Б.М. Эйхенбаума / Б.М. Эйхенбаум; предисл., публ. и примеч. А.С. Крюкова // Филологические записки. – Воронеж, 1997. – Вып. 8. – С. 230–251.
3. РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 243–250.
4. РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 251–257.
5. РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 247. Лл. 11об. – 18.